

В память о моем поколении и моих друзьях.

Обычно советские времена вспоминаются как «единое прошлое». Но в действительности они были по-разному советскими. У каждого десятилетия своя ментальность, свои искания и надежды, свои трагедии и комедии.

На жизнь моего поколения пришлось тяжелые и в то же время яркие годы. Конечно, я могу представить в своих воспоминаниях лишь субъективное видение событий. Но другого способа у мемуарной литературы нет.

СУРОВЫЕ 40-е

В мае 1941 года мне исполнилось пять лет, а через месяц началась война. В этом возрасте яркие, особенно драматические, события запоминаются на всю жизнь. А такими событиями Великая Отечественная война была полна. Повзрослев, мы с сестрой, братом и мамой, собираясь вместе, часто вспоминали военное время. Может быть, потому оно так прочно запечатлелось в памяти.

Лето 1941-го. Война ворвалась в нашу жизнь неожиданно. Сразу началась массовая мобилизация мужчин. Вся улица Пролетарская (ныне Мира), ведущая к вокзалу, была заполнена народом. Жара, давка, на мостовой – мобилизованные отцы, а дети и матери – на тротуаре, отгороженном от мостовой канатами. Играют духовые оркестры, разносятся плач женщин, командные крики военных – организаторов мобилизации. Эта масса медленно движется к

вокзалу, откуда эшелонами увозят на фронт мужчин.

Мобилизация продолжалась несколько дней, в один из которых подошла очередь и нашего отца. Решили на прощание сфотографироваться. Зашли в фотоателье на углу улиц Пролетарской и Насыпной (ныне это угол Мира и Суворова). Фотограф нас долго расставлял. Родителей и сестру усадил на стулья, а меня – позади. Мне надлежало положить правую руку на плечи отца. Но у нас в семье никакие нежности не позволялись, поэтому я стеснялся это сделать и помню, как фотографу пришлось оставить свой аппарат, подойти и насильно положить мою руку на плечи отца. Эту фотографию мама нашла потом в руинах разрушенной бомбой нашей квартиры. Уже после войны мы ее у мастеров отреставрировали. На снимке четко видны беспредельная тоска в глазах отца, а в маминых – страх.

Дни мобилизации прошли быстро, и наступили странные мирные дни, создававшие впечатление, будто ничего не произошло. Но это время длилось недолго. Начались бомбардировки, и тогда мы поняли, какая война к нам пришла.

Довольно быстро население перестроилось на режим военного времени. Активизировались добровольные общества, в частности ОСОАВИАХИМ. В каждом дворе были назначены старшие по обороне. В нашем дворе это была тетя Паша, которая ходила на курсы с повязкой общества Красного Креста и Красного Полумесяца. На курсах изучали даже фугасные бомбы и как их тушить. После каждого занятия тетя Паша все это пересказывала. На нас, правда, кидали не фугасные бомбы, а осколочные.

Беда была в том, что наш двор находился в двух кварталах от железнодорожного моста на улице Ставропольской, возле горпарка им. М. Горького. Немцы бомбили вокзал и этот мост. Потом, когда они заняли Краснодар, наши летчики также свои бомбы нацеливали на эти два объекта. В результате эта территория была разрушена в гораздо большей степени, чем другие. И, по теории вероятности, одна из бомб должна была угодить в наш двор. Это произошло, когда уже наши бомбили немцев. К счастью, тогда мы были в ауле.

Враг начинал атаку после того, как стемнеет. О бомбардировке тогда оповещали по еще работавшему радио, и вскоре в небе появлялся характерный мощный гул бомбардировщиков. На фоне гула вскоре возникал свист летящих бомб. Бомбоубежище от нас было далеко, и поэтому мы с мамой прятались под кроватями.

Приближающийся свист завершался взрывом. Содрогались земля и наши стены, звенели стекла в окнах, которые нередко разбивались. Проектора высвечивали в ночном небе вражеские самолеты. Начинали лаять наши зенитки. Когда гул удалялся, через некоторое время по радио объявляли о прекращении воздушной тревоги. Но были особенно страшные ночи, когда самолеты возвращались вновь и повторно сеяли разрушение, страх, смерть.

Мы, пацаны, быстро привыкли к этим бомбардировкам и даже стали извлекать из них выгоду. Утром, если найти место взрыва, можно насобирать всяких осколков: одни напоминали зверюшек, другие – танк или машину. Вскоре у меня и моих друзей были целые ящики этих «игрушек».

(Я опускаю многие события, наши переезды в аул к дедушке и обратно). И вот мы в Краснодаре, уже занятом немцами. Ноябрь. Сыро, холодно. Мама пошла на рынок (нынешний Кооперативный) купить вязанку дров. Нас с сестрой заперла в квар-

тире, хотя мы просили не делать этого, чтобы можно было играть во дворе. Мама нам объяснила, что немцы, обнаружив детей без взрослых, отведут в комендатуру, а оттуда – отправят в Германию. Так поступили с двумя детьми с соседней улицы.

Мы с сестрой долго играли каждый в своем углу. Когда игрушки надоели, залезли на стол, который стоял у окна, и стали высматривать маму. Это продолжалось так долго, что сестра не выдержала и стала от тоски плакать. Потом к ней присоединился и я. Соседка, тетя Аня, отругала нас, сказала, что наша мама скоро придет. Мы стали ждать, а мамы все не было. Опять стали плакать. Тетя Аня дала нам через форточку по сухарику, но теперь уже не ругала, а утешала, и сама сокрушалась, что нашей мамы так долго нет, что давно пора было ей вернуться.

Наконец, мама вернулась вся измученная, упала в кресло и долго не могла говорить. Пришедшим соседям рассказала следующее. На рынке, пока она искала дрова подешевле, начался переполох. То там, то здесь с ужасом стали произносить слово «облава». Рынок оцепили немецкие солдаты с овчарками. Тех, кто пытался прорваться через оцепление, хватали и запихивали в машину, похожую на автобус. Одного сопротивлявшегося застрелили. Всюду царил паника. Длилось это долго. Наконец, в одном месте немцы сделали проход, через который стали пропускать людей, проверяя их паспорта. Некоторых отпускали, но большинство заставляли садиться в автобусы, чтобы ехать за город «копать картошку». Отпускали тех, у кого в паспорте был штамп, удостоверяющий, что они работают на фашистов. И тут мама вспомнила рассказы соседок о том, что так сажают людей в душегубки, а за городом трупы сбрасывают в заранее вырытые траншеи. Душегубками оккупанты надеялись сломить ситуацию и заставить население работать на себя.

Осознав свое положение, мама пришла в ужас, стала читать все молитвы из Корана, которые знала, старалась не вставать в очередь. И произошло чудо. К проходу, где проверяли паспорта, подъехала линейка, в которой сидел важный чин. Видя, как много людей попало в оцепление и панику, охватившую их, чин приказал сделать еще один пропускной пункт, где он стал контролировать происходящую сортировку людей. В этом человеке мама узнала приятеля нашего отца, который до войны не раз бывал у нас в гостях. Мама подошла насколько было можно ближе и выкрикнула его фамилию. Эту фамилию мама, говорившая на русском с акцентом, вероятно, не точно произносила: «Варшав». Вполне возможно, что этот человек был по национальности поляк. Ведь и бургомистром Краснодара в то время был человек с польской фамилией Ляшевский.

Маме показалось, что Варшав даже вздрогнул, услышав свою фамилию из толпы, обезумевшей от страха. Он сразу узнал маму и кивнул головой. Когда очередь дошла до нее, Варшав взял ее паспорт, полистал и кивнул головой, давая понять, что она свободна. Но вслед бросил: «Чтобы я вас в городе больше не видел!»

Мы с сестрой, повзрослев, среди эпизодов военных лет этот вспоминали чаще других. И всегда у нас возникал вопрос: «Почему этот Варшав так благородно поступил?» Варшав с приходом немцев занял в жандармерии важный пост. Он курировал и душегубки. Поэтому на рынок он приехал проверять, как отправляют людей на смерть. И отпустил женщину просто потому, что она знакомая? А может, все же в нем заговорила совесть?..

Фразу «чтобы я вас в городе больше не видел» наши соседи расшифровали как проявление гуманизма. Он этими словами дал понять, что маме с семьей оставаться в городе опасно. Многие знали отца как активного коммуниста.

Ныне в Чистяковской роще (в советское время – Первомайской) возведен мемориал, посвященный нашим землякам, загубленным немцами в душегубках. В районе рощи в траншеях их закапывали фашистские палачи. Когда бываю в этом месте, непременно благодарю Всевышнего: не явился бы Варшав или приехал бы минут на 20 позже, маму бы запихнули в душегубку. Но Всевышний послал его именно в то время, когда можно было спасти и маму, и нас.

В памяти возникают другие события военного времени. На одном из них, произошедшем в ауле Панахес, остановлюсь. Начало февраля 1943 года. С мамой нас трое детей. Нас выгнал родственник, на которого больше всего надеялись. Выгнал из-за страха: наш отец, вырвавшийся из керченского окружения, добрался до своего аула, уже занятого немцами. Таких, как он, собралось семь мужчин-коммунистов, которые стали прятаться от немцев в лесу, в землянке. В любой момент их могли обнаружить и расстрелять. Весь аул знал об их землянке, могли бы «настучать». Боясь оказаться пособником семьи красноармейца-коммуниста, родственник выгнал нас на улицу.

Приютил нас его старший брат Зачерий. Помню как сейчас: мама стеснялась лишний кусок съесть. А наш дядя ворчит: «То, что ты не доедаешь, никого не спасет. А вот если с тобой что случится, то дети пострадают. Пока есть еще кукуруза, будем все жить. А если помирать, то тоже всем вместе». Почему-то от этих слов становилось на душе уютно и светло.

О том, что не только наши матери, но и мы, дети войны, подвергались смертельной опасности, свидетельствует следующий эпизод.

Я очень любил сестру дяди Зачерия тетю Нахурай. Приезжая в Панахес, я часто ходил к ней. Учитывая, что нас, едоков, у дяди Зачерия стало много,

однажды она дала мне столько кукурузы и фасоли, сколько я один не мог унести. Ее дочь Шамсет часть ноши взяла на себя и пошла со мной. Улица, по которой мы шли, была в ауле главной, и по ней ездили немецкие машины на Львовскую и Северскую. Далее была трасса в сторону станции Крымской.

После грузовиков проехала необычная для этих мест, красивая легковая машина. Она вскоре остановилась: из нее вышел немецкий офицер и поманил меня пальцем. Я не стал идти, и тогда он сам подошел, взял за плечо и повел к машине. Сестра моя стала топтать ножками, причитая: «не надо, не надо». Пока офицер вел меня к машине, из нее вышел еще один офицер и направился к нам. Они что-то говорили на своем языке и со всех сторон ощупывали мою голову. Повели к машине. Перед тем как меня стали в нее сажать, вышел из машины высокий, в очень элегантном гражданском костюме (почему-то до сих пор помню его светло-бежевый цвет) пожилой, но стройный мужчина. Он тоже тщательно ощупал мою голову и что-то такое сказал офицерам, что они потеряли ко мне интерес и отпустили. Мне как-то стало досадно. Когда они ощупывали мою голову, мне казалось, что я им чем-то понравился, и закралась мысль, что они угостят меня шоколадом, как угощали в станице Елизаветинской немецкие солдаты, подвозившие нас.

Мы с сестрой не поняли, что все это значило. Я рассказал об этом друзьям, а сестра – взрослым. Услышала этот рассказ и учительница Нурет. Она кое-что понимала по-немецки и лучше всех разбиралась в том, что говорят и делают оккупанты. Нурет объяснила маме, что я обратил на себя внимание резким отличием от чернявых аульских детей ярко-рыжими волосами. Немецкие офицеры решили, что перед ними ребенок еврейской национальности, но мужчина в штатском, вероятно, авторитетный знаток еврейской антропологии, объяснил офицерам их ошибку.

Офицеры были не просто военные – это были эсэсовские офицеры с повязками на руках. Если бы не оказалось с ними того знатока «еврейской породы», моя судьба была бы печальной.

Мама после этой информации запретила мне выходить на улицу, разрешив играть только во дворе, в хлеву. Ребятишкам, приходившим ко мне, я с гордостью рассказывал, что прячусь от немцев, которые хотят убить меня, и что, наверное, уже скоро я буду скрываться от них в лесу, в землянке.

***

Начало февраля. Ночь. Мы все в постелях. Через главную улицу аула непрерывным потоком едут немецкие подводы, запряженные мулами. Дядя Зачерий в очередной раз посылает старшую дочь Цацу посмотреть, едут ли еще подводы и что они везут. Цаца ненадолго выходит на крыльцо, возвращается и сообщает, что теперь, кроме раненых, везут пушки. Дядя Зачерий делает радостное заключение: они отступают – «драпают, наши им дали перцу».

Утром следующего дня в ауле была необычная тишина, и нигде не было ни одного немца. Соседи стали переключаться и спрашивать друг у друга, ушел ли их постоялец-немец. Все ушли!

После обеда с плато Бжапэ в сторону аула стала спускаться серая людская масса: это шли наши солдаты. Они пробыли в ауле недолго, преследуя врага, и вскоре двинулись дальше.

Отец и его приятели вышли к нашим. Отца за то, что он был на оккупированной территории, наказали: исключили из партии, однако он служил в Красной Армии до конца войны.

Весна 1943 года была ранней. Уже в марте в болотах, окружавших аул Панахес, цвели петушки. В эту пору мы тронулись в путь длиной около ста километров в мамин аул Кунчукохабль, к дедушке и бабушке. Первая часть пути до Краснодара в основ-

ном пролегла вдоль Шапсугского водохранилища, которое начали строить до войны. Водоохранилища еще не было, был лишь земляной вал от аула Афипсип до хутора Хомуты длиной около 20 километров. Мама в одной руке несла трехлетнего братика Асланчика, в другой – сумку. За ней шла сестра Аминет (Чупа), я замыкал шествие. На мне были старые мамины башмаки, привязанные веревками к ступням; башмаки нещадно набивали мозоли. На каком-то этапе пути я отказался идти и сел у обочины. Пришедшую стыдить меня сестру прогнал. Но когда пришла мама и стала просить: «Сыночек, ради меня...осталось идти мало», – я рассердился на себя, встал и пошел. На хуторе Хомуты нас приютил на ночь один старик. В Краснодаре нас приютила соседка по двору...

Я затронул тему кочеваний военных лет потому, что они были составной частью образа жизни людей того времени, особенно матерей и их детей. Потерявшие кров горожане двигались в села. А российское село всегда было надежным тылом. Вспомните «Войну и мир»: куда двигалась в 1812 году основная масса москвичей, покинувших столицу?..

В августе 1944 года, оставив младшего братика, Аслана, у дедушки в ауле Кунчукохабль, мама, я и сестра Аминет вернулись в Краснодар. Ранее мама неоднократно ездила в город по поводу квартиры, и нам, наконец, ее дали – вместо разрушенной бомбардировками. Это была всего одна небольшая комната в квартале от той, разрушенной, в Тракторном переулке. Напротив этого двора, через дорогу, находится отгороженная высоким каменным забором территория мединститута. Тогда, в 1944 году, здание мединститута было полностью разрушенным...

Приехав в Краснодар, мама сразу попала под всеобщую трудовую мобилизацию по восстановлению города и была направлена на восстановление здания мединститута. Женская бригада, в которую

она входила, подносила кирпичи и раствор мастерам, укладывающим стены. Обед у них был казенный. Я подходил к обеденному перерыву, и всегда мне что-то перепало.

Ко всему этому добавлялось ощущение особого тогда, светлого патриотизма. Говоря о нем, невозможно не вспомнить кинематограф тех лет. Кино тогда было великой духовной силой. Первый фильм, который я увидел в городе, – «Подвиг разведчика». Этот фильм в сознании моего поколения остался навсегда. Потом, когда в 60-х годах в прессе за что-то ругали Кадочникова, сыгравшего в картине роль советского разведчика, мы, дети 40-х годов, воспринимали эту ругань как личное оскорбление. А тогда, в 40-х, тексты этого фильма разошлись среди нас, пацанов, на цитаты: «У вас продается старый славянский шкаф...» и т.д.

Второй фильм, глубоко в нас проникший, – «Два бойца». Как полонили наши души песни из этого фильма в исполнении Марка Бернеса, какое в них было мужское обаяние!

В то время и радио было редкостью, а увиденный фильм на весь год оставался ярким событием. Каждую просмотренную кинокартину пересказывали друг другу неоднократно.

Надо признать, что в то время часто раздавались «американские подарки», как называли в народе поставки из США. Это были и одежда, и обувь, и сладости, и консервы. На обед маминой бригаде стали часто подавать омлеты, упакованные в экзотические коробки, исписанные английскими словами. Кто-то пустил слух, что эти омлеты приготовлены не из куриных, а из черепаших яиц. Мама и две ее подруги перестали их есть, зато я ходил, по горло сытый ими.

Весной 1945 года руководитель маминой бригады узнала где-то о постановлении, освобождающем от всеобщей трудовой мобилизации женщин, у которых трое детей и муж на фронте. После предъ-

явления соответствующих справок маму освободили от работы. Когда наступили каникулы, мы трое уехали в аул Кунчукохабль, по которому весь год очень скучали.

В повести «Мое лето 1945 года» я описал 9 мая 1945 года. Но не могу и здесь хотя бы коротко не сказать о нашей Великой Победе.

Уже с ранней весны 1945 года говорили о Победе – и в школе, и во дворе, и в магазине, и в других общественных местах. С Победой связывали наступление особого, светлого времени и всеобщего счастья.

Случилось это уже ночью 8 мая, а точнее, ранним, до рассвета, утром 9 мая. Какой-то необычный шум во дворе разбудил по очереди маму, сестру и меня. Шум в самом деле был странным: слышались голоса, смех и вроде бы следом плач. Потом – беготня по коридору.

На фоне ожидаемой Победы продолжали проходить похоронки, которые воспринимались очень тяжело. В апреле семья, живущая в квартале от нас, получила похоронку, и вся округа переживала это горе, как свое. Такого сочувствия раньше не было. При всеобщих потерях боль людская притупилась. А теперь, в ожидании близкого конца войны, чувства крайне обострились.

Мама привстала на постели и, вслушиваясь в шум двора, сказала: «К нам во двор, наверное, пришла беда. Кто-то получил похоронку. О, Аллах, помоги им!»

В это время в глубине нашего длинного коридора раздался постепенно приближающийся женский плач. Женщина, дойдя до нашей двери, остановилась, и сквозь плач стала звать маму. Маму охватил ужас. «Аюба убили, о горе нам!» – запричитала она. Мгновенно вскочив, она открыла дверь и, обняв пришедшую, стала рыдать. Но пришедшая соседка плакала от счастья и восклицала: «Победа! Господи,

какое счастье!» Мы с сестренкой вскочили, сразу поняв причину слез тети Дуси, и стали маме объяснять, почему плачет соседка. Но испытанный шок сделал ее почти невменяемой. До мамы ситуация дошла лишь тогда, когда сестренка истерично топая ножками, стала прямо в ухо через плач кричать ей на адыгском языке: «Никого не убили! Наоборот – победили!» Мама неожиданно перестала плакать, странно на меня с сестрой посмотрела, опустилась на пол и, уже ни на кого не обращая внимания, заплакала тихо и печально. Это был плач о пережитых невзгодах и их завершении, плач грусти и радости.

В конце мая нас, первоклассников, отпустили на каникулы. Как раз в это время приехал дядя Гисса за горючим для колхозных тракторов. Его подвода была так переоборудована, что вмещала две бочки. Впереди оставалось место для возницы. Сбылась мечта, с которой я не расставался весь учебный год: на каникулы поехать в мамин аул, по которому я так скучал.

Мы ехали с дядей на его телеге через весь город по нынешней улице Ставропольской в сторону хутора Ленина. Тогда в Краснодаре мостовая полоса улиц была вымощена округлыми булыжниками – мало удовольствия ехать по ним на телеге. Но это обстоятельство не могло испортить моего радостного настроения от ожидаемой встречи с аулом. И пока мы ехали по городу, соседи по двору поочередно являлись в моем воображении, будто желая со мной пообщаться на прощание.

Наш двор по периметру представлял собой большую букву «П», лежащую на земле. Если, проходясь внутри этой фигуры, смотреть в сторону горизонтальной перекладки буквы «П», то левая ножка буквы будет обращена в сторону переулка Тракторного, где мы жили. Наш коридор располагался в правой ножке. По коридору справа – наша комната-квартира. У абсолютного большинства

квартиры были однокомнатные. Напротив нас жила одинокая женщина, которая вела замкнутый образ жизни, ни с кем не дружила. За нами по нашей правой стороне находилась квартира семьи, которую во дворе называли «богатыми». Они действительно по материальному достатку превосходили всех во дворе. Глава семьи, полковник, демобилизовался из Германии. Целую неделю грузовик привозил им вещи и продукты, когда они поселялись в наш двор. Жена полковника, высокая русская красавица, ничуть не кичилась материальным достатком (чем страдали многие жены тогдашних офицеров) – напротив, была добра и дружелюбна. Учитывая положение нашей семьи, она часто давала маме продукты, поговаривая: «Соня, у тебя большая семья, бери детям...» У них уже были взрослые дочь и сын, через год после приезда в наш двор родилась дочь Тома. За исключением полковника, лицо которого было испорчено оспой, все члены семьи выделялись среди соседей породой и красотой. До сих пор помню их фамилию – Сноговские.

Я сидел рядом с дядей на облучке и думал: там, в аule, бабушка спросит, есть ли добрые люди в нашем дворе, и я ей в первую очередь расскажу о Сноговских.

Напротив Сноговских жила семья из трех человек. Она, украинка, огромная, а он – гораздо ниже и сухопарый. Их сын, губастый мальчик, никогда не появлялся среди нас, детей. Однажды я увидел его рисунки в тетрадке, потерянной в коридоре, и поразился его мастерству. Объемная мать этого мальчика, наверное, очень любила мужа, потому что постоянно можно было слышать ее возгласы в беседе с соседями: «А мий ухав...», «А мий казав...».

Далее по коридору – проходная, но жилая комната. Отгороженная занавеской, узкая часть этой комнаты позволяла пройти в следующую квартиру. В части комнаты, отгороженной от проходной,

жили две сестры – высокие, симпатичные, схожие и возрастом, и внешностью. Им около тридцати. По воскресеньям к ним в гости часто приходили летчики. Они выпивали и пели песни, среди которых непременно звучала знаменитая песня летчиков: «Дождливым вечером, вечером, вечером, когда пилотам, скажем прямо, делать нечего...». Почему-то взрослые во дворе этих сестер называли «гулящими». А мне они очень нравились: во-первых, они обе ко мне относились ласково, во-вторых, после гостей они всегда угощали меня шоколадом.

Через комнату моих симпатий можно попасть в квартиру дяди Гриши, которого обожала вся детвора: он щедро катал нас на своем ЗИС-5. У дяди Гриши – маленькая, ревнивая жена (ревновала к сестрам) и ребенок.

Через стенку от дяди Гриши (у них вход был с противоположной стороны) – семья Гурьяновых с двумя детьми...

Я прошелся только по нашему коридору, а в целом в нашем дворе было двадцать семей, и в них более пятидесяти человек (перемычка буквы «П» была двухэтажной). Я представлял, как будет удивляться моему рассказу бабушка, которая считала, что у каждой семьи должен быть свой двор. Все топили дровами или углем. Все брали воду из одной колонки, что в конце квартала. В углу двора был проход в единственный на весь двор туалет, разделенный на два бокса. Ни по поводу туалета, ни по другим бытовым вопросам я не видел никаких очередей, и не слышал никаких споров, недоразумений. Все решалось в согласии, мирно.

В начале лета 1945 года мы уезжали из города, в котором люди были полны светлых надежд и радостных ожиданий. В декабре того же года мы въехали в холодный и угрюмый город. Как будто не было Победы, как будто продолжались суровые военные годы... На страну тихой сапой надвигался голод.

Из всех бед, что довелось мне видеть и переживать в те сороковые годы, страшнее голода ничего не помню. Последствия его не легче последствий войны. Эти беды ходят вместе.

Вот один эпизод из воспоминаний старшего двоюродного брата Чемаля из аула Панахес. В 1947 году он работал продавцом в аульском магазине, который все называли «сельпо». В том году пришла гуманитарная помощь голодающему аулу от родственных горных шапсугских аулов в виде кормовой свеклы и сушеных груш-дичек. Распределяли эту помощь через сельпо. На каждую семью приходилось по четыре килограмма свеклы и по три килограмма сушеных дичек. Конечно, эти продукты (если их можно так назвать) быстро разошлись. И тут явился опоздавший Хаджибрам, отец большого семейства. Когда он узнал, что ему достались только два килограмма оставшейся свеклы, слез сдержат не смог. «Сушеная грушка хоть во рту подольше подержится, а что свекла?» – причитал он. Брат сжалился над ним и из запасов, оставленных по распоряжению начальства, выдал ему пять килограммов сушеной дички. Хаджибрам умер от голода, а выжившие его дети потом всю жизнь считали Чемаля своим благодетелем.

В 1948 году, когда отменили карточки на хлеб, народ выстраивался у хлебных магазинов (хлеб тогда продавали не во всех магазинах, а только в хлебных). Одному человеку отпускали только одну буханку, а на одну семью полагалось продать две буханки. Вы спросите: откуда продавцы знали, кто из какой семьи? Конечно, они этого не знали, они лишь каждому, чья очередь подходила, продавали один кирпичик хлеба. А вот кто есть кто четко учитывали «счетчики», и из одной семьи пропускали в магазин только двоих. Счетчиков, как правило, в одной очереди было два. Никто их не назначал, они

сами выдвигались и брали на себя инициативу соблюдать порядок в очереди.

Тогда во всех коллективах были подобные активисты, бравшие на себя разные виды ответственности. Некоторые из них были явными карьеристами, другие (в пионерских, комсомольских, партийных, профсоюзных, хозяйственных организациях) занимались общественной работой от души, по велению сердца. Они все были порождением того времени.

В первые дни после отмены карточек очереди за хлебом формировались за день. Во второй половине дня надо было подойти к магазину, возле которого уже была толпа, и записаться у счетчика: назвать фамилию, адрес и сказать, что хлеб – для семьи. Счетчик, записав в блокнот фамилию и адрес, объявлял номер в очереди.

Вечером этого же дня производилась первая переключка: все выстраивались в очереди, счетчики шли вдоль людских колонн и в соответствии с записями в блокноте произносили фамилии и номера. Каждому надо было откликнуться на свои фамилию и номер. Если кто-то не являлся на переключку, его вычеркивали из списка. В полночь производилась вторая переключка. На эту переключку ходил отец. Утром перед открытием магазина проходила третья переключка. Наш хлебный магазин находился на улице Красной, между улицами Советской и Комсомольской. Сейчас там магазин «Юный техник». Утром, перед началом работы магазина, очередь выстраивалась длиною в полтора квартала. Она тянулась от угла улиц Советской и Красноармейской до улицы Красной, поворачивала направо и по Красной еще полквартала, до магазина. У входа в магазин надо было снова назвать счетчикам фамилию и номер. Очередь двигалась довольно быстро. Магазин открывался с 9 часов, а к двум часам и очередь рассасывалась, и хлеб кончался. После этого возле магазина начина-

ла формироваться очередь за хлебом на следующий день.

Надо отметить, что власти хорошо подготовились к кампании перехода на свободную продажу хлеба. Изо дня в день очередь сокращалась. Через полмесяца очередь начиналась возле магазина, и никакие счетчики не были нужны. Через месяц можно было зайти в магазин и через несколько человек купить хлеб. Вскоре в свободной торговле появился маргарин. Кстати, он был по-настоящему из растительных масел. Тогда пищевая промышленность не злоупотребляла химией и производила чистые продукты. Мы, дети, часто появлялись во дворе с большим ломтем хлеба, намазанным толстым слоем маргарина. Голод уходил.

Местные власти использовали все возможные средства борьбы с голодом. Предприятиям выделялись земли под огороды для работников. Выделенный отцу участок в районе станицы Северской достигал 30 соток. В другой раз нам определили участок на территории тогда еще строящегося Шапсугского водохранилища. Сажали в первую очередь кукурузу, также фасоль и тыкву. После войны еще долго у многих дома были всякого рода ручные крупорушки. Во дворах – везде, где позволяла территория, – держали кур, коз, кролей, свиней и даже коров. В нашем дворе в Тракторном переулке № 3, в котором жило до 50 человек, ухитрились держать кур. Гурьяновы, занимавшие крайний угол двора, использовали это положение и завели не только курятник, но и сарайчик, в котором ежегодно выкармливали кабана.

Всю эту живность во дворе можно было видеть в одном, двух, трех кварталах от центральной улицы Красной. За Сенным рынком фактически заканчивалась черта города и начиналась обширная территория со всеми признаками сельского пригорода. По улице Буденного, недалеко от сельхозинститута,

располагалась огромная мельница, к которой подходила железнодорожная ветка.

Послевоенный Краснодар был классическим аграрным городом.

С конца 40-х годов и до смерти И. Сталина ежегодно весной снижались цены на продукты питания. И вскоре стало ясно, что не хлебом единым жив человек. Вновь появились огромные очереди, но уже не за продуктами, а за книгами. Это были очереди 50-х годов, которые выстраивались у магазина подписных изданий. Первый тогда магазин в нашем городе располагался на углу улиц Красной и Чапаева.

Очереди эти, как и за хлебом, были огромными, на целый квартал от магазина до угла улиц Горького и Красной. В них использовался опыт хлебных очередей: были счетчики, переключка вечером накануне и утром следующего дня – дня подписки. Основное ядро подписчиков составляла интеллигенция. Подписывались на все: и на дореволюционную, и на советскую литературу. Но особенным спросом пользовалась зарубежная классика. Страна запоем читала художественную литературу. Неотъемлемой частью культуры любой уважающей себя семьи были книги. В стране царил культ знаний, образования, интеллекта. ■